Рецензия

на реферат
Вениамина Тимофеевича Золотухина
«“Поэзия мысли” в борьбе с языком элегии»

Реферат В. Т. Золотухина состоит из Введения, четырех глав и Заключения. Первые три главы содержат основательный, хорошо написанный, логично выстроенный анализ обозначенной в заглавии проблемы. Четвертую главу следует характеризовать иначе – это образец в полном смысле слова блестящей филологической работы. Впрочем, эта глава опирается на выводы предыдущих разделов, и без проведенного в них исследования написать ее было бы невозможно.

В первой главе дан подробный аналитический обзор исследований, в которых содержится определение понятия «философская лирика». Выясняется, что понятие настолько расплывчато, что его использование едва ли можно счесть продуктивным. Поэтому далее в работе речь идет о литературном феномене, за которым Л. Я. Гинзбург закрепила название «поэзия мысли». Я совершенно согласна с выводом В. Т. Золотухина, и мне даже жаль усилий, затраченных им на тщательный анализ работ, в которых предпринимались явно неудачные попытки придать словосочетанию «философская лирика» терминологический смысл.

Во второй главе, обращенной к творчеству Д. В. Веневитинова, продемонстрировано, что верность поэта шеллингианской философии ощутима в его стихах лишь для «посвященного», способного прочесть поэтические строки с учетом философского контекста. Вне этого контекста метафизические понятия, выраженные языком элегии, перестают быть узнаваемыми. Собственно, о том же писала Л. Я. Гинзбург, и мне импонирует, что В. Т. Золотухин не ставит перед собой задачи во что бы то ни стало пересмотреть классическую точку зрения, он лишь берет для анализа другой материал, выявляет незамеченные прежде нюансы.

Зато переходя в третьей главе к поэзии А. С. Хомякова, В. Т. Золотухин проявляет полную независимость от выводов Л. Я. Гинзбург. Здесь дан прекрасный анализ стихотворения «Заря», в котором одическая стилистика с характерными для нее архаизмами сменяется обращением к языку элегической школы. Этот переход мотивирован оппозицией всеобщего и индивидуального, а «*философский итог* стихотворения, собирающий высказывание в единство, эксплицитно дан *как явление внутренней жизни* лирического субъекта» (с. 59–60). Подчеркнуто, что взаимопроникновения стилей при этом не происходит, а попытки Хомякова «разомкнуть»

стили в других поэтических текстах остаются неудачными, хотя и несомненно показательными как авторские интенции.

Для демонстрации новаторских принципов С. П. Шевырева В. Т. Золотухин избрал стихотворение «Два духа», и хотя Л. Я. Гинзбург отрицала экспериментаторский характер этого текста, в рецензируемой работе ее точка зрения опровергнута. (Между прочим, автор работы ни здесь, ни в разделе о Хомякове на собственное новаторство вообще не указывает.)

Глава о Баратынском, как уже было сказано, – лучшая в работе. Остановлюсь только на наиболее, на мой взгляд, интересном. По моему глубокому убеждению, поэтическое слово Золотого века создает свои собственные денотаты, не имеющие аналогов в предметном мире. Утрата этого свойства знаменует конец Золотого века. Так называемая поэзия мысли стоит на самой его границе, и поэтому особый интерес здесь получает то, что В. Т. Золотухин называет «выходом к предмету» – к денотату, расположенному в непосредственной реальности. Поздняя поэзия Баратынского производит впечатление, что именно такой «выход к предмету» в ней совершается. Работа В. Т. Золотухина заставляет существенно скорректировать это впечатление. Анализируя стихи Хомякова, он замечает, что «конкретизация изображения в “условно-поэтической” стилистике неосуществима, а её осуществление эту стилистику разрушает» (с. 59). В главе о Баратынском продемонстрировано, что единство элегической стилистики, вбирающей в себя явления мира, «безнадёжно рушится под их напором» (с. 72). Казалось бы, это и есть подтверждение тезиса о выходе Баратынского за пределы поэтического космоса Золотого века. Но исследование Золотухина убеждает в том, что все было значительно сложнее.

Ни один из поэтов, стремившихся сменить существующую парадигму, – ни Веневитинов, ни Хомяков, ни Шевырев – настоящей победы «поэзии мысли» над языком элегии, как показано в работе, одержать не смог. У Веневитинова элегические значения поглощали виртуально внеположные им смыслы; Хомяков добивался лишь соположения разных поэтических языков (например, элегического и одического); у Шевырева конкретный внепоэтический образ мог прочитываться не как денотат, а как означающее. Борьба велась на границах поэтического мира, созданного элегической школой, а учитывая, что одним из непременных признаков этого мира была замкнутость его границ, вопрос об их нарушении был одним из самых принципиальных. Разомкнуть эти границы для взаимодействия с чужеродной поэтическому миру реальностью удалось Баратынскому – но не за счет разрушения элегического языка. Золотухин показывает, что поэтический мир Баратынского строится на парадоксальном взаимодействии традиционных значений элегического языка с несовместимыми с ним значениями

бытового слова. В отличие от смешения, при котором исходные основания становятся неразличимыми, взаимодействие – это процесс, в ходе которого оба компонента остаются узнаваемыми, но их семантическая наполненность обновляется, создавая смысл стихотворного высказывания. Обновление происходит как удивительное совмещение утраты и обретения – утраты исходной самотождественности значения и обретения его в новом контексте. В ходе анализа, предпринятого в работе, поэтическое слово Баратынского застигнуто в самый момент этой метаморфозы, с удивительной тонкостью описанной.

Мелкие замечания к работе носят исключительно частный характер. Во-первых, на мой взгляд, постановка проблемы в тексте Веневитинова «Несколько мыслей в план журнала» слишком тесно сближена с положениями, высказанными в статье Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Во-вторых, дважды допущены промахи в оценке стилевой окраски слов. В деепричастии «помавая» нет никакой странности. Оно встречается, как видно из Корпуса русского языка, в стихах Мерзлякова, Жуковского, Хомякова, Катенина и др. Заглянув в тот же источник, можно убедиться, что слово «возврат» не в меньшей мере, чем слово «возвращение», уместно в поэтических контекстах.

Автор продемонстрировал уважение к предшественникам, прекрасное знание предмета, чуткость к поэтическому языку, способность к тонким наблюдениям, самостоятельным и нетривиальным выводам, умение логично и доказательно выстроить научный текст. Представленный В. Т. Золотухиным реферат заслуживает самой высокой оценки и дает все основания рекомендовать его в аспирантуру ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

24.07. 2019.

Д. ф. н., проф., г. н. с.
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

М. Н. Виролайнен